

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ВИЗАНТИИ

*О. Б. Ионайтис
Уральский госуниверситет*

Византия во многом определила развитие славянского мира, стран Западной Европы и Востока. Как же она сумела повлиять на культурное и религиозное развитие столь разных народов? Примером противоречивости этих процессов является христианизация Руси.

Ко времени принятия Русью христианства в Византии уже сформировались обстоятельства, позволившие вести популяризацию ее концепций и их распространение на территории Киевской Руси. Это в первую очередь накопленный Византией опыт миссионерской деятельности и идеи, лежащие в ее основе, что является важным для понимания того, как функционировали механизмы по пропаганде и внедрению в сознание и культуру новообращенных народов идей византийской мысли. Ведь миссионерство – это не только проповедь христианских идей, но и популяризация концепций византийской философии и богословия, их трансляция и интерпретация в новых реалиях. И в то же время в миссионерстве Византии изначально прослеживаются моменты, которые через столетия приведут к отстранению от нее Руси.

Византия, объявив себя центром христианства, вела активную миссионерскую деятельность, опираясь на образец апостольской проповеди. Слова Христа «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел Вам» (Мф. XXVII, 18) византийские проповедники относили напрямую к себе. Вселенский характер византийской церкви, а также согласие адаптировать вероучение к национальным реалиям помогали в этой деятельности. Особую роль сыграли появившиеся в Византии так называемые «миссионерские легенды», которые гласили, что на земле существует двенадцать народов, которым было проповедано Слово Божие двенадцатью апостолами, чье дело и продолжают константинопольские посланники (например, апостол Андрей посетил, благословил и предсказал будущее христианское величие Киева).

Действительно, лояльность Константинополя вела к развитию переводческой деятельности и национальной письменности, а в целом – культуры государств, принимавших христианство. Но вопрос о возможности национальных языков не был для Византии простым, и его разрешение скрывало ряд противоречий, сказавшихся в истории восприятия византийского наследия Русью.

Дело в том, что в III–IV веках у новообращенных в христианство народов возникают мысли, что три «священных языка» (греческий, еврейский, латинский) таковыми не являются, а скорее наоборот, они – «проклятые», так как, по преданию, надпись над головой распятого Христа была составлена на этих языках. Эти сомнения имели далекоидущие последствия не только для развития названных языков, но и культуры в целом. Ведь если ситуация такова, то необходимы новые языки для изложения Божественных истин. Сами греки в этот период (начиная с Климента Александрийского) склонны были до некоторой степени принять претензии своих восточных критиков. Чего стоит заглавие популярного текста Феодорита Кирского (V век) – «Врачевание эллинских недугов» (кстати говоря, уже в начале XI века переведенного в Киевской Руси). Подобная тенденция сохранялась. В Киевской Руси даже такой показательный для христианства и византийской философской мысли текст, как «Богословие Иоанна Дамаскина» сопровождался статьей Феодорита Кирского, это как бы доказывало, что лечение «эллинских недугов» – это христианское богословие, основанное на мудрости народов как Ветхого (в большей степени), так и Нового Завета. Поэтому разрешение национальных языков было, скорее всего, компромиссом, цель которого – сохранение греческого наследия и возможность его развития, а также трансляции.

К X веку Византия по-новому использовала языковую проблему в миссионерской деятельности. Критика «трехязычной ереси» становится средством отпора притязаниям римской церкви на вселенское господство, так как христианизация славянских народов для Византии – это не только борьба с надвигающимся исламом, но и с Римом. В славянском мире ее первыми начали в IX веке просветители Кирилл и Мефодий. В «Житии Кирилла Философа» рассказывается, что во времена пребывания в Венеции его обвинили в создании новой

грамоты и попытке перевести на новый язык Священное Писание, на что он отвечал: «Не идет ли дождь от Бога на все равно? Или солнце такожде не сияет ли на все? Ни ли дышаем равно вси? И како вы не стыдите се, три езыки мниши тьчию, а прочиимъ всемъ езыками племени слепом велеш и глухом быти? Скажити ми: Бога твореше немощна, яко не могуща дати, или завистлива, яко не хотела? Мы же рады знаем доволны, книги умеюще и Богу vzdающе къждо своимъ езыком»¹. Эта проповедь всегда с восторгом комментировалась русскими книжниками. Древнерусские авторы обычно в связи с ней вспоминали и доводы константинопольского патриарха Фотия против положения иконоборцев, отрицающих иконописание, так как на римских иконах Иисус похож на итальянца, на коптских – на египтянина. Фотий в своем «Послании» новообращенному болгарскому князю Борису (Михаилу) пишет, что, так как Бог воплотился ради спасения всех народов, – национальные иконографические варианты равноправны, как и переводы Слова Божия, которое на всех языках остается неизменным. Так постепенно слово (перевод) и образ (иконописание) для византийской мысли, а особенно для древнерусской, стали доказывать правомерность друг друга.

Влияние Византии на славянский мир проходило в несколько этапов. Первый – появление славянских переводов – связан с деятельностью великих славянских переводчиков и первоучителей Кирилла – Константина (826–869) и Мефодия (820–885), их ближайших учеников и охватывает приблизительно время 60–80-х годов IX века. В этот период деятельность, начатая в Византии, сосредоточивается в Моравии и Панонии. Из братьев-просветителей большей склонностью к философии отличался Кирилл, прозванный за это Философом. Он получил образование в Магневрской академии в Константинополе, где его учителями были будущий патриарх Фотий, известный ученый Лев Математик. Кирилл с большим пиететом относился к каппадокийцам, особенно к Григорию Богослову, что впоследствии отразилось на его собственной концепции и в сочинениях учеников. Обладая даром полемиста и риторика, Кирилл принимал активное участие в спорах с иконоборцами, представителями Рима. Кириллу и Мефодию принадлежит неоспоримая значимость в развитии славянской письменности. По всей видимости, Мефодием был

осуществлен перевод большей части книг Ветхого и Нового Завета. Их деятельность была многоплановой, например, Кириллу принадлежит первая на славянском языке дефиниция философии. Они разработали философскую терминологию на славянском языке. Сочинения Кирилла демонстрируют философские воззрения Платона, которого он почитал, определения философии Иоанна Дамаскина.

Кирилл и Мефодий сформировали целое направление, которое позднее получило название «кирилло-мефодиевское», включающее блестящие имена мыслителей, сыгравших значимую роль не только у себя на родине: Климент Охридский, Черноризец Храб, Константин Преславский, Иоанн экзарх Болгарский, киевский митрополит Иларион, Нестор Летописец.

Под влиянием кирилло-мефодиевской традиции сложилась развитая метасистема духовной культуры, охватившая южных и восточных славян на основе православной религии, письменности, одной книжности и общих традиций. Древнерусская мудрость, впитав кирилло-мефодиевскую традицию, выступает как составная часть философской мысли всех православных славянских народов.

Но кирилло-мефодиевская традиция, ее значимость и роль в истории русской мысли, неоднозначна. С одной стороны, она помогла войти древнерусским мыслителям в мировой процесс, познакомиться с достижениями византийской мысли и, как следствие, развить свои концепции. С другой стороны, она, сосредоточивая внимание русских книжников на переводах, удаляла от их внимания тексты на языке оригинала и непереуведенные. В-третьих, спустя столетия именно из-за кирилло-мефодиевской традиции встанет вопрос о «правильности» переводов, необходимости новых и отказа от старых, как неправильных. Именно кирилло-мефодиевская традиция будет находиться в основе деятельности царя Алексея Михайловича, патриарха Никона, изменившей всю русскую историю.

Таким образом, исторический опыт Византии предоставляет нам пример того, что влияние одной культуры на другую всегда противоречиво и содержит антиномии, ведущие через сближение к отторжению.

¹ *Охридский К.* Житие Кирилла Философа. М., 1996. С. 23.